

The background of the cover is a vibrant, detailed illustration. It features a young woman with long, flowing dark hair adorned with red roses. She is wearing a strapless, floor-length red gown with gold lace detailing on the bodice and a large red bow at the waist. She is posed with her right hand near her face in a 'shushing' gesture. The background is a celestial theme, with a large, glowing full moon in shades of orange and yellow. Various constellations are visible, including 'VIA LACTEA', 'PISCES', 'ORION', 'ARCTURUS', 'SCORPIO', 'SAGITTARIUS', 'CAPRICORN', 'AQUARIUS', 'PISCES', 'ARIES', 'TAURUS', 'GEMINI', 'CANCER', 'LEO', 'VIRGO', 'LIBRA', 'SCORPIO', 'SAGITTARIUS', 'CAPRICORN', 'AQUARIUS', 'PISCES'. The overall color palette is dominated by deep reds, purples, and oranges, with a diamond grid pattern overlaid on the entire scene.

Мое Тело кем-то одержимо

ТОМ I

SOLAR SHIN

Solar Shin
Мое тело кем-то
одержимо. Том 1
Серия «Императорские свитки.
Жемчужины азиатского фэнтези»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74430521

*Мое тело кем-то одержимо. Том 1 / Solar Shin ; [перевод с корейского
chaerimi]. / Solar Shin: Эксмо; Москва; 2026*

ISBN 978-5-04-253969-5

Аннотация

Мое имя – Канна Адис, и я родилась в мире магии, принцев и герцогов. Но однажды я открыла глаза и обнаружила себя в чужом теле! В другом мире, в фантастической стране, которую называют «Кореей».

Там я впервые узнала, что такое любящая семья. Там у меня появился прекрасный парень. Там я научилась открывать своё сердце и стала отличным врачом. Эта чудесная сказка продлилась двенадцать лет... а потом я вдруг снова оказалась в своём мире. Стоя на коленях перед мужчиной, который меня презирает.

Пока я строила счастливое будущее в Корее, дурочка, всё это время занимавшая моё тело, превратила жизнь Канны Адис в

ад. Теперь мне нужно расхлёбывать последствия, простившись со всеми правами и привилегиями современной корейской женщины. Что ж, начну всё заново! Разведусь с мужем, который вытирает об меня ноги, уйду из семьи, которая считает меня мусором, и начну новую жизнь. Это будет непросто, но на моей стороне навыки медика, хитрость и беспринципность. Вот только почему все эти люди, ненавидевшие меня, теперь проявляют ко мне интерес?..

Одна из самых популярных романтических новелл – 100 млн прочтений на корейской платформе Какао.

Основа одноименной манхва, заслужившей любовь читателей по всему миру.

Умная главная героиня, которая не боится прибегнуть к самым жестоким методам, чтобы добиться своего.

Новый взгляд на троп с попаданками: героиня возвращается обратно, и вновь приспособиться к жизни в своем мире оказывается труднее, чем найти общий язык с жителями другого.

Темный авторский мир, в котором даже давний враг может оказаться самым близким союзником.

Содержание

Пролог	7
Глава 1	17
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Solar Shin

Мое тело кем-то одержимо. Том 1

Серия «Императорские свитки. Жемчужины азиатского
фэнтези»

#####

Post-Possession Damage Control Vol.1

Copyright © Solar Shin / Yeondam

All rights reserved

Russian translation © 2026 Eksmo Publishing House

Russian translation rights arranged with Kakao Entertainment
Corp. through

ORAEN INC

Cover illustration by ENA (##)

Перевод с корейского языка *chaerimi*

© chaerimi, перевод на русский язык, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

«Что?..»

Канна растерянно моргнула.

«Что я сейчас делаю?»

Мозг словно превратился в чистый лист, и мысли в нем двигались медленно и неповоротливо. Зачем она распласталась на полу? Почему рыдает навзрыд, захлебываясь слезами и соплями?

«Почему?»

И главное – зачем она вцепилась в штанину этого мужчины и так отчаянно умоляет?

– Отпустите.

Голос прозвучал остро, как падающее лезвие. Канна вздрогнула и вскинула голову, встречая ледяной взгляд глаз цвета вековых ледников.

«Ох...»

Красавец.

Канна впервые видела мужчину, которому так безупречно подходило это слово. Черты лица точеные, словно вырезанные из прозрачного стекла, волосы сверкают, как чистое серебро. От него исходило такое ослепительное сияние, что она невольно зажмурилась.

В следующий миг губы мужчины искривились в холодной усмешке.

– До чего же вы утомительны, – произнес он. – Неужели вы думаете, что после этого я на вас посмотрю? Напротив, вы вызываете у меня лишь отвращение. – Он сделал паузу и, не дождавшись ее реакции, повторил: – Я попросил вас отпустить меня.

«Это он мне?» – подумала Канна.

– Если не разожмете пальцы, я отрублю вам кисти, госпожа Канна.

Тон был спокойным, даже вежливым, отчего сказанное звучало еще более жутко.

«Канна?»

Это было ее имя. Сомнений нет. Женщина, которая сейчас валяется в ногах у этого ослепительного красавца, – это она сама.

Пальцы Канны в конце концов обмякли. Лишь тогда мужчина резко развернулся и зашагал прочь.

Гулко хлопнула дверь.

Прошло немало времени, прежде чем оставшаяся в одиночестве Канна пробормотала, едва шевеля губами:

– Свихнуться можно... Это сон? Или что?

Почему она в таком виде и в таком месте?

Еще мгновение назад она была в Корее. В мире, о котором раньше ничего не знала.

Канна не помнила, как там оказалась. Однажды она просто открыла глаза и обнаружила, что оказалась в теле корейской девочки по имени Ли Джухва. Сначала она думала, что

сошла с ума. Решила, что она, Канна Адис, окончательно повредила рассудком из-за того, что жила, запершись в алхимической лаборатории. Потом она подумала, что это затянувшийся кошмар...

Но это не было безумием. И не было сном.

«Да. Я перенеслась в тело Джухвы. Жила ее жизнью».

Поначалу она отрицала очевидное, но все же была вынуждена смириться с тем, что ее душа переселилась в тело Ли Джухвы, девочки из иного мира, и способа вернуться она не знала.

Умирать Канна не собиралась. Так что она решила стать Ли Джухвой и жить ее жизнью.

Конечно, поначалу Канна была шокирована и паниковала. Повезло еще, что особых сложностей или бытовых проблем не возникло: память и знания прежней хозяйки тела остались при ней.

Так Канна начала новую жизнь. Она прожила двенадцать лет в облике Ли Джухвы: с семнадцати до двадцати девяти.

«Я только-только закончила изнурительную учебу и стала врачом восточной медицины...»

Она сдала школьные экзамены, поступила в университет на факультет восточной медицины, получила лицензию и в последнее время активно набиралась опыта. Канна упорно шла к своей цели: она хотела открыть собственную клинику. Про таких как она обычно говорят, что они далеко пойдут.

«И почему я снова здесь?!»

После работы она в компании своей семьи поужинала жареной курочкой, заказанной из ресторана, выпила бокал пива, приняла душ и легла в постель. Разглядывая потолок, она с довольной улыбкой думала, как же ей нравится жизнь Ли Джухвы, как она счастлива. И в тот момент, когда она добралась в своих размышлениях до того, что и впредь будет жить на всю катушку...

– Проклятье.

Она открыла глаза в теле Канны Адис, ползающей в ногах у мужчины.

Канна вскочила и подбежала к зеркалу на стене. Увидев свое отражение, она едва не рухнула на пол.

– Это еще что такое?..

Лицо, кажущееся мрачным из-за обрамляющих его черных волос, густая челка, закрывающая глаза. Лицо, которое она так старалась забыть, решив, что больше никогда его не увидит. Лицо, которое она забыла.

Последний раз она видела себя такой в четырнадцать. Конечно, сейчас отражение выглядело намного взрослее...

«Это мое лицо».

Ее настоящее лицо.

– Что все это значит...

Канна коснулась щеки и зажмурилась. Ее настигло осознание: она вернулась.

В свое тело. В свой мир.

Я что, сошла с ума?

Я в теле другой девушки. Все зовут меня Канной. Бред какой-то.

Кажется, это даже не Корея. Какой-то совсем незнакомый мир.

Прошел месяц, как я в теле Канны Адис. Сначала не верила, но теперь привыкаю.

Неужели я оказалась в романе?.. Поверить не могу, что вселилась в чье-то тело, как в романах про попаданок...

Сегодня я встретила самого красивого мужчину в этом мире. Герцога Сильвиена Валентино. Ах, как можно быть таким прекрасным!

Завтра я выхожу за него замуж. Впервые с тех пор, как попала сюда, я счастлива. Пусть это брак по расчету, какая разница? Я постепенно завоюю его сердце. «Сначала свадьба, потом любовь»! Благодаря сюжетам из книжек я влюблю в себя герцога Сильвиена!

– Ох...

Руки Канны, сжимавшие дневник, задрожали. Все записи были сделаны на корейском – языке, который в этом мире не понимал никто, кроме нее.

Теперь все стало окончательно ясно. Последние двенадцать лет Ли Джухва и Канна Адис жили, поменявшись телами.

– Вот же идиотка!

Но эта тупица Джухва, будучи в чужом теле, умудрилась выскочить замуж. За Сильвиена Валентино – того самого мужчину, за чью штанину Канна только что держалась.

«Свихнуться можно! Почему именно Сильвиен Валентино?! Он же совершенно ненормальный!»

Неважно, что он красавец и что внешне он – сама вежливость. Все вокруг знали, что этот человек – бомба с часовым механизмом. И эта девчонка решила применить к такому опасному типу приемы из любовных романов! Предложила брак по расчету!

– *Я стану вашей женой.*

– *Что?*

– *Используйте меня.*

– *Что вы имеете в виду?*

– *Давайте заключим контракт. Если вы женитесь на мне, вы сможете вырваться из-под контроля императорской семьи. Вы ведь не хотите жениться на второй принцессе, верно?*

Типичный зачин для истории о любви, что зарождается после свадьбы.

– Ли Джухва, тупица! Жизнь – это тебе не книжка!

От ярости Канне хотелось кричать и плакать.

Ну конечно! Все глупости, которые Джухва творила в ее теле, были подробно описаны в дневнике и всплывали в памяти.

Джухва из кожи вон лезла, чтобы добиться расположения Сильвиена.

То она вывесила на улице огромный плакат с нарисованным яркой краской сердцем и надписью «Люблю вас, герцог Сильвиен», то прислала ему сотню роз прямо на важное совещание. Она даже пыталась соблазнить его своим телом, раздевшись догола и забравшись в его постель.

Разумеется, Сильвиен отвечал на все это лишь презрением.

Герцог сказал: «Если бы я знал, что вы такая, госпожа Канна, я бы никогда не принял ваше предложение». Его слова разорвали мое сердце на мелкие кусочки.

Но я должна быть смелой. Я во что бы то ни стало покорю его. Я не отступлю!

Это была последняя запись в дневнике Джухвы.

В итоге она решилась на то, чего никогда не делала рань-

ше: бросилась в ноги, рыдая и умоляя. И именно в этот момент... они с Канной снова поменялись телами.

«Фух... Спокойно. Надо успокоиться и подумать».

Канна бросила дневник на стол, так что столешница содрогнулась от удара.

«Прошло двенадцать лет. Это мое настоящее тело – Канна Адис, и мне сейчас двадцать шесть».

Значит, Джухва вернулась в свое прежнее тело, в Корею. Наверняка она в полном замешательстве: только что валялась в ногах у Сильвиена, и вдруг пора собираться на работу.

«Да разве она сможет выйти на работу и принимать пациентов вместо меня?»

Но раз у Канны остались воспоминания о двенадцати годах жизни Джухвы, то и у той должны остаться воспоминания Канны. Иными словами, все знания у нее сохранились. С работой врача восточной медицины она как-нибудь справится.

«Стоп. А мой бизнес? Клиника продержится на плаву, даже если ненадолго поставить ее на паузу, но что будет с моим интернет-магазином?»

Еще студенткой Канна увлеклась изготовлением натурального мыла, ароматических свечей, парфюмерии и других похожих вещей. Изучая лекарственные травы, она любила растения и начала экспериментировать. Со временем хобби переросло в небольшой онлайн-бизнес.

«Ли Джухва, только попробуй испортить мой интер-

нет-магазин!»

Тревога и горечь нахлынули волной. Честно говоря, последние двенадцать лет Канна была абсолютно довольна своей жизнью в теле Ли Джухвы. Конечно, поначалу случались панические атаки...

Жизнь с мамой, папой, младшим братом и котом Тото была чудесной. Недавно у нее даже появился парень, они только начали встречаться...

«Черт, а я ведь даже думала, что мы могли бы пожениться».

Вернувшись туда, куда, она думала, вернуться невозможно, она в один миг лишилась всего.

– Нет, возьми себя в руки. Сейчас не время для паники.

Нужно соображать быстро. Депрессия ничего не решит – сначала нужно разобраться с этим безумием, во что бы то ни стало разложить все по полочкам.

– Сильвиен Валентино, – пробормотала Канна, подавляя тоску в душе. – Значит, ты меня ни во что не ставишь?

Голова шла кругом, казалось, она вот-вот расколется на части, но приоритеты были очевидны. Первым делом...

– Начну с развода.

Вечером, когда герцог вернется, нужно заговорить о разводе. Сильвиен, скорее всего, будет только рад, но...

«Даст ли на это разрешение мой отец?»

Права женщин в этом мире по сравнению с Кореей были где-то на уровне плинтуса. Женщина не могла даже разве-

стись без согласия отца.

«Позволит ли он мне развестись?»

Будь это отец Джухвы, он пришел бы в ярость, узнав о таком обращении с дочерью, и сам настоял бы на разводе.

«Но мой настоящий отец другой».

Отец Канны Адис иного толка: он сочтет это позором для семьи и наверняка будет категорически против. Скорее скажет ей сдохнуть в доме Валентино, чем позволит вернуться...

«Или не начну. Лучше сперва лягу спать, а когда проснусь – подумаю об этом».

Вдруг это все-таки сон.

Глава 1

Канна Адис. Старшая дочь герцога Адиса, главы одного из двух великих родов, охраняющих Западный континент. Незаконнорожденная дочь.

Канна не знала своей матери. Когда ей было около шести, она, не в силах сдержать любопытство, робко спросила:

– Отец, какой была моя мама?

В то мгновение лицо отца исказилось, как у чудовища, а взгляд стал настолько свирепым, что Канне показалось – он сейчас ее убьет.

К счастью, этого не произошло. Он ее даже не ударил – лишь пронзил ледяным взглядом и выплюнул:

– Канна Адис. Больше никогда... Больше никогда не смей упоминать эту женщину в моем присутствии.

Только тогда она все поняла. Отец – герцог Александро Адис – терпеть не мог ее и ее мать. Возможно, даже ненавидел. Ненависть отца, которая с самого детства была привычной, как воздух, наконец обрела причину.

«Понятно. Он ненавидит мою мать. И поэтому ненавидит меня».

Но не только отец питал к ней такие чувства. Ее сводная сестра Изабель и мачеха Хлоя вели себя так же.

– Сестрица, может, тебе лучше побриться налысо? Чер-

ные волосы, черные глаза... Ты хоть знаешь, как люди шепчутся за спиной?

– Изабель, разве можно так разговаривать со старшей сестрой?

– Ой, мам, ну а что?

– Впрочем, ты права. Канна, ты же знаешь, что у нас черный цвет считается дурным. Постарайся не попадаться людям на глаза.

Орсини, сводный младший брат, тоже не стеснялся распускать руки и отвешивать ей пощечины.

– Эй ты, отребье! Я же велел тебе закрывать лицо челкой!

И второй младший брат, Каллен, который всегда притворялся вежливым, но его слова ранили, словно ножи.

– Сестрица, моя шапочка упала из окна. Сходи и принеси.

Вся семья, без единого исключения, ненавидела Канну. Но ее презирали не только родные.

– Ох, это и есть старшая дочь герцога Адиса?

– Кошмар, у нее черные волосы! И глаза тоже!..

Черные волосы и черные глаза. Тот, кто родился с таким сочетанием, считался символом чего-то зловещего. Поэтому все избегали и презирали Канну.

Однажды она случайно встретила Орсини на улице. Видимо, его друзья начали подшучивать над ним из-за существования Канны.

– Эй ты, отребье! Кто тебе разрешил попадаться мне на глаза на улице?!

– П-прости, Орсини. Я виновата. Только не бей...

– Проклятая дрянь! Отребью вроде тебя следует прятаться получше!

В тот день он ударил ее пять раз и даже разбил ей губы в кровь.

Отец смотрел на все это сквозь пальцы. А может, и поощрял. Ведь если бы не его полное безразличие, никто не осмелился бы так над ней издеваться.

Канна чувствовала себя цветком, которому день за днем методично обрывают лепесток за лепестком. Ее жизнь была невыносимой.

Ровно до четырнадцати лет – до того самого дня, когда ее душа переселилась в тело семнадцатилетней Ли Джухвы.

Раньше Канне было трудно даже смотреть людям в глаза, но жизнь в облике Джухвы изменила ее.

Ее корейская мама была известным врачом восточной ме-

дицины и мудрой женщиной.

– Наша Джухва. Мама всегда поддержит тебя, что бы ты ни выбрала.

Папа – успешным бизнесменом, души не чаящим в дочке.

– Джухва, пойдешь с папой на прогулку? А? Ну пойдём!

Еще у нее был вредный, но добрый младший брат.

– Сестренка! Я там курочку оставил, поешь.

И даже милый ласковый кот, который так потешно мяукал.

Все они были добры к ней. Они показали ей, что такое любовь.

За двенадцать лет, проведенных в теле Ли Джухвы, Канна стала совсем другим человеком. Она стала женщиной, которая ценит и любит себя.

Совсем не такой, как раньше.

Холодная вода с шумным плеском обрушилась на лицо, заставив Канну резко открыть глаза.

– Юная леди, вы долго еще собираетесь валяться?

Канна моргнула, сбрасывая забытые. Первое, что она увидела, – высокий расписной потолок и белоснежный шелковый балдахин.

«Я и правда вернулась».

Это не Корея. Это спальня в замке герцога Валентино. Проклятье!

«Но что это сейчас вылилось мне на лицо?»

– Юная леди! Вставайте скорее! Вы что, оглохли?!

«А, это она».

Увидев служанку с вазой в руках, Канна все поняла. Эта женщина и раньше будила ее – то есть Джухву – подобным образом: выливая воду, срывала одеяло, а иногда и отвешивала пощечины. И Джухва безропотно терпела все это ради того, чтобы казаться хорошей в глазах герцога.

Джухва боялась повести себя как-то неправильно: вдруг эта служанка, которая давно уже работала в доме Валентино, пустит дурные слухи. И терпела. Снова и снова.

«Ли Джухва, ты и впрямь была дурой».

Канна вытерла мокрое лицо рукой.

– Тебя как зовут?

Служанка вздрогнула. Похоже, такой реакции она не ожидала.

«Конечно, ее имя мне известно».

Судя по воспоминаниям Джухвы, это была Мэри: женщина около сорока лет, которая за давностью своей службы в

доме Валентино пользовалась доверием многих.

– Мэри Голдиан, юная леди. Вам что, память отшибло? Или с головой что не так? – нагло ответила Мэри и продолжила поторапливать Канну: – Хватит молоть ерунду, живо вставайте! Пора идти на утренний поклон к госпоже!

Утренний поклон... Голова отозвалась резкой болью. Что еще за поклон?

«Ах да. Мачеха Сильвиена живет в этом же замке».

Жозефина, мачеха Сильвиена, нынешнего герцога, требовала от Канны, своей невестки, являться к ней на поклон трижды в день: утром, в обед и вечером.

«Безумие. В Корее этого не поняли бы, да и в этом мире такое – нонсенс».

Но Джухва исправно исполняла этот приказ. Все надеялась, что Сильвиен когда-нибудь это оценит.

Однако у Канны сейчас и мысли такой не было.

– Не пойду.

– Что?..

– Я сказала, что не пойду. Провались он, этот поклон.

– Юная леди, что на вас нашло?!

– Какая я тебе юная леди? Я герцогиня Валентино и хозяйка этого дома. Так что зови меня «госпожа герцогиня».

Лицо служанки застыло: она явно не верила своим ушам. Перед ней стояла совсем не та Канна, что всегда натянуто улыбалась и из кожи вон лезла, лишь бы заслужить хоть каплю чужого расположения. «Может, съела что-то не то?» –

пронеслось у нее в голове. Впрочем, в следующую секунду уголки ее губ приподнялись: она решила, что Канна просто захотела поиграть в аристократку.

Никто в этом доме не относился к Канне как к аристократке. Кто она такая? Пустое место, номинальная герцогиня, которую собственный муж за человека не считает.

Впрочем, не только в этом было дело, но и в том, что Канна была обладательницей черных глаз и черных же волос – символа «Черного тумана». Он появился ниоткуда много лет назад и поглотил весь Южный континент, стерев его с лица Земли. С самого детства на Канну указывали пальцем именно из-за недоброй масти. Да что там чужие – в родном доме ее считали отребьем!

– У этого замка одна хозяйка – госпожа Жозефина. И только ее я буду звать госпожой.

Служанка была уверена: как бы нагло она ни хамила, Канна лишь глупо улыбнется или почешет затылок, как делала все эти годы.

Канна промолчала. Она пристально посмотрела на Мэри, а затем резко протянула руку.

– Дай сюда.

– Что?

– Вазу. Там ведь еще осталась вода?

Почти вырвав вазу из рук женщины, Канна от души выплеснула оставшуюся воду той в лицо.

– Ах ты дерзкая девка.

Мэри замерла, не замечая бегущих по лицу капель, не в силах осознать, а главное – поверить в то, что сейчас произошло.

– Видимо, тебя нужно хорошенько проучить, чтобы ты пришла в чувство. Эй, ты! – обратилась Канна к служанке, наблюдавшей за сценой из коридора. – Живо принеси розги.

Та вздрогнула и застыла в растерянности, а Канна рывкнула:

– Чего стоишь? Тоже хочешь получить? Если сейчас же не принесешь розги, первый удар – твой!

– С-сейчас!

Вскоре Канна уже сжимала в руках розги, за которыми поспешно сбегала служанка. Глядя на Мэри, которая все еще стояла с ошарашенным видом, Канна скомандовала:

– Задирай юбку.

У той лицо посинело: как это Канна смеет так обращаться с ней, проработавшей в доме Валентино многие годы камеристкой госпожи?!

– Юная леди, вы что творите? Вы забыли, кто я такая?!

Не дождавшись ответа, Мэри зачастила:

– Я пользуюсь доверием госпожи! Я проработала в этом доме уже столько лет!..

– Ты – прислуга, – холодно оборвала ее Канна. – Безумная служанка, которая посмела плеснуть водой в лицо хозяйке. Вот кто ты такая, Мэри.

– Н-но...

– А я – хозяйка этого дома, герцогиня Валентино. И я имею полное право тебя наказать. Потому и приказываю: задирай юбку.

– Н-но ведь...

– Если не сделаешь этого, я прикажу высечь всех остальных служанок. А заодно спрошу с управляющего за то, что он так паршиво вас обучил, – пригрозила Канна и, не дождавшись ответа, поинтересовалась: – Ну так что? Будешь отдуваться одна или хочешь, чтобы тебя возненавидели все слуги в замке?

Мэри побледнела. Даже вторая служанка – та, что принесла розги, – испуганно сжалась.

Спустя мгновение Мэри дрожащими руками приподняла край платья.

«Надо же, как напугалась».

Впрочем, неудивительно. Когда человек, которого ты годами ни во что не ставил, вдруг меняется и берется за розги, это пугает. Канна, склонив голову набок, смирив служанку взглядом и на мгновение задумалась: может, этого будет достаточно? Но тут же на ум пришли слова матери из той, другой жизни: «Если уж решила кого-то наказать, Джухва, делай это основательно».

Советы мамы никогда еще не подводили, значит, и теперь не стоит отмахиваться.

Канна замахнулась. Первый удар – для шока.

Розга, опущенная с усилием, звонко шлепнула по коже.

Мэри не смогла сдержать крик и пошатнулась.

Всего один удар. Но удар сильный. На икрах камеристки мгновенно проступила багровая полоса.

Второй удар – для боли.

Второй шлепок – второй женский крик.

И, наконец, третий. Для того чтобы провинившаяся взмолилась о пощаде.

– Пожалуйста! Простите! Я виновата! – Мэри рухнула на колени, отчаянно простирая руки в мольбе.

Канна опустила розгу.

– Виновата? И в чем же?

– Я... мне не следовало обливать вас водой, юная леди!..

Канна лучезарно улыбнулась:

– Не только. Ты ведь и пощечинами меня будила, верно?

«Ли Джухва, ну и душой же ты была, – подумала Канна. – Позволяла всем вокруг вытирать о себя ноги, а в ответ только глупо улыбалась. Неудивительно, что они над тобой насмехались. Даже червяк – и тот задержится, если на него наступить, а ты просто терпела».

Совсем как Канна в прошлом... до того, как стала Ли Джухвой.

– Простите, юная леди, я была не права...

– Юная леди?

Канна вопросительно наклонила голову, и Мэри, испуганно вздрогнув, исправилась:

– Н-нет! Госпожа! Простите меня, госпожа герцогиня! Я

больше никогда так не поступлю!

– Надеюсь. Если снова начнешь наглеть, тремя ударами не отделаешься.

Канна отшвырнула розгу и сделала небрежный жест рукой.

– Свободна. Вон отсюда.

Мэри, всхлипывая, поднялась на ноги. Она изо всех сил старалась выглядеть покорной, но Канна чувствовала, как от ее опущенных плеч веет яростью и злобой.

«Ну, конечно, одной поркой ее не исправить».

Когда служанки ушли, Канна с тяжелым вздохом опустилась на диван.

Джухва. Ли Джухва...

«Я сделала твою жизнь прекрасной, Джухва».

Отправила в лучший университет, выучила на врача восточной медицины, даже парня идеального нашла...

«А ты в благодарность превратила мою жизнь в еще больший ад, чем раньше».

Что-то грохнуло.

Канна, задремавшая было на диване, резко открыла глаза. Шум действительно был или ей показалось?

В ту же секунду грохот повторился.

– Почему дверь все еще заперта?! Немедленно откройте,

не то я велю ее выломать!

Резкому голосу немолодой женщины вторили мощные удары, сотрясающие дверь. Канна в недоумении уставилась в направлении звука, поняла, что дверь действительно заперта изнутри, и вскочила. Она не помнила, чтобы запирала. Должно быть, это дело рук Мэри!

– Сейчас открою! – крикнула она, поспешно отпирая замок.

И увидела на пороге женщину в окружении слуг, вооруженных молотками.

«Явилась».

Настоящая хозяйка этого дома. Мачеха Сильвиена Валентино. Свекровь Канны. Графиня Жозефина Элестер.

Она не была родной матерью Сильвиена – родную мать тот потерял в десятилетнем возрасте. Спустя время его отец привел в дом новую жену, которой оказалась Жозефина. Даже после смерти своего супруга-герцога она не покинула поместье, сохранив за собой титул графини Элестер – один из многих, принадлежащих семье Валентино. Правда, графиней она была только на словах, вела же себя при этом так, будто замок принадлежит ей.

– Что это за выходки? Почему ты до сих пор не выказала мне почтение?! – С этими словами Жозефина влетела в комнату, резко раскрыла веер и смерила Канну полным презрения взглядом. – Мэри рассказала мне весьма странные вещи.

Ну разумеется. Мэри стояла за спиной Жозефины с ехид-

ной ухмылкой. Успела-таки пожаловаться.

– Ты забыла правило? Каждое утро ты должна являться ко мне на поклон. Сейчас уже час дня! Ты пропустила не только утренний, но и полуденный визит!

– Нет, я не забыла.

Семь утра, двенадцать дня, шесть вечера – трижды в день Канна обязана была являться к Жозефине. Опоздание хоть на минуту каралось потоком оскорблений.

Вспомнив, через что пришлось пройти Ли Джухве за эти годы, Канна язвительно добавила:

– Просто не захотела следовать этому правилу.

На самом деле так было даже лучше. Канна все равно собиралась разводиться, так что скандал был ей только на руку. Пусть выгоняют – она будет только рада.

– Визиты с поклоном трижды в день? Если другие знатные дамы об этом услышат, они в обморок упадут. Даже во времена вашей молодости такой подобострастный этикет уже не практиковался, верно?

В комнате повисла изумленная тишина. Канна, ясно чувствуя силу своих слов, расправила плечи, в то время как слуги, стоявшие за дверью, и сама Жозефина лишились дара речи.

– Ты... что ты сейчас сказала?

Даже когда Мэри примчалась к ней в слезах и рассказала о случившемся, Жозефина не верила до последнего. Неужели Канна, эта тупоголовая девчонка, взялась за розги? Эта

забитая дурочка, которая только и умеет, что заискивать перед другими?

Графиня решила, что либо Мэри лжет, либо Канна окончательно лишилась рассудка.

«Она точно свихнулась!»

Как она смеет перечить? Девчонка, которая была готова доедать объедки с пола, лишь бы ее похвалили!

– Таков устав нашего рода. Раз уж ты вышла замуж за моего драгоценного сына, ты обязана следовать правилам семьи, нравится тебе это или нет!

– Но ведь эти правила придумали вы, верно?

– Что?!

– Обычную прихоть, продиктованную вашим скверным нравом, вы называете уставом рода. Вам не стыдно перед многолетней историей семьи Валентино?

В этот раз опустившаяся тишина была ледяной. Но уже через несколько мгновений последовала реакция, на которую и рассчитывала Канна:

– Эй, тут есть кто-нибудь?! Схватите ее немедленно!

Слуги, поколебавшись, подошли и крепко взяли Канну за руки.

– Сегодня я научу тебя манерам! Принесите розги!

Мэри тут же протянула заготовленные розги. Они были куда толще тех, что использовала Канна.

– Мэри! Задирай этой девке юбку!

– Да, госпожа!

Мэри с готовностью бросилась к Канне и схватилась за ее платье. Лицо камеристки оставалось бесстрастным, но в душе она ликовала. «Посмела тронуть любимицу госпожи? Сама виновата», – так и читалось в ее взгляде.

Но тут...

– Руки прочь.

Канна резким ударом ноги отбросила пухлые руки Мэри прочь. А потом невозмутимо приподняла подол и с вызовом улыбнулась Жозефине:

– Я сама.

Та оторопела, и тогда Канна улыбнулась шире:

– Прошу, матушка. Бейте.

От ее ледяной улыбки у Мэри и даже у самой Жозефины по спинам пробежал холодок. Прежняя Канна уже молила бы о пощаде... Но эта открыто насмеялась и подначивала!

– Ты думаешь, я шучу? Ну что ж! Я буду пороть тебя лично, пока ты не осознаешь свою вину!

«Пороть, пороть...»

Канна, смакуя это слово, вдруг звонко и искренне рассмеялась.

– Лично пороть невестку розгами? Какой изысканный метод, под стать вашему благородному происхождению. Уверена, герцог Валентино будет несказанно гордиться вашим педагогическим талантом.

– Закрой рот! Как ты смеешь так дерзить старшим!

Звонкий шлепок ознаменовал собой первый удар. Вспыш-

ка боли обожгла икры. Канна стиснула зубы. Она была готова к этому, но все равно... боль была такой, что она чуть не вскрикнула.

Распаленная Жозефина снова высоко замахнулась и ударила наотмашь, вложив в этот удар всю свою злобу.

– В семье Адис, похоже, совсем не учат манерам? Какая наглость! И как только я позволила такой наглой девке войти невесткой в мой дом!

Удары сыпались один за другим, оставляя на икрах багровые рубцы. Когда кожа лопнула и показалась кровь, наблюдавшие служанки невольно сжались и тихо вскрикнули.

Но Канна лишь крепче сжимала подол платья. Она терпела, до крови кусая губы.

«Я не издам ни звука».

Крик боли только доставил бы Жозефине удовольствие. Канна не собиралась потакать этой женщине, которая годами обращалась с Ли Джухвой, с ней самой, как с собакой.

Прошло немало времени. Жозефина шумно пыталась отдышаться, ее рука уже дрожала: от непривычного усилия мышцы начало сводить. Икры Канна к этому моменту превратились в сплошное кровавое месиво.

– Ты все еще не признаешь свою вину?!

– Не признаю.

– Ах ты...

«Упрямая дрянь!» – Жозефина, как и остальные слуги, невольно содрогнулась. Даже Мэри, которая вначале с на-

слаждением наблюдала за расправой, теперь стояла бледная как полотно. Ноги Канны распухли и стали похожи на два огромных красных столба, глубокие раны кровоточили, но Канна все равно не извинилась.

«Она сумасшедшая. Точно сумасшедшая. Как человек может так измениться за одну ночь?!»

Лицо Канны заливал холодный пот, но в ее взгляде не было и тени намерения сдаться. Жозефина, впрочем, тоже не собиралась отступать. Она швырнула розгу стоявшему рядом слуге.

– Теперь ты выпори ее!

– Что?!

– Ты оглох? Я велела тебе продолжить порку вместо меня!

– Н-но, госпожа...

Несмотря на номинальность положения герцогини, Канна все же была аристократкой. И он, слуга, да к тому же еще и мужчина, должен был ее бить? Неизвестно, чем это в будущем обернется для него самого.

– Живо!

Слуга неохотно приблизился к Канне и едва коснулся ее розгой. Так, для вида.

– Что ты творишь?! Бей по-настоящему!

– Госпожа, но... ноги юной леди уже...

Они и так были разодраны в кровь – куда там было бить дальше?

На нерешительность слуги Жозефина ответила молчани-

ем. Она так вспылила, что отхлестала невестку со всей силы, и слуга был прав: живого места, куда можно было бы ударить снова, на икрах Канны не осталось.

«Этого должно быть достаточно, чтобы сломить ее дух», – решила Жозефина, грозно посмотрела на Канну и спросила:
– Ты все еще считаешь, что ни в чем не виновата?

Канна слабо усмехнулась. Из-за того, что она слишком сильно сжимала челюсти, все лицо онемело. К тому же она была насквозь мокрой от холодного пота, а жар, поднимавшийся от ног, казалось, нестерпимой болью выжигал ее изнутри.

«Я не хочу так жить».

Трижды в день по расписанию – обязательный поклон све-крови? Это не что иное, как насилие. Угроза, негласный запрет, чтобы она даже не мечтала свободно выйти из дома.

«Я больше не хочу, чтобы со мной такое творили».

По какой-то причине она вернулась в свой мир. Ей хотелось попасть обратно в Корею, но теперь это могло быть невозможно. Так что, раз уж она здесь, она хотела жить по-человечески. Чтобы с ней обращались не как со скотом, а как с человеком, полным достоинства.

Но если она сдастся сейчас, ничего не изменится. Совсем ничего.

– Да... я виновата, – хрипло проговорила Канна.

«Наконец-то признала!» – Жозефина уже приготовилась победно улыбнуться, как вдруг...

– Я виновата в том, что с самого начала не отказалась делать то, что мне претило. Моя вина в том, что я терпела через силу.

Кровь отхлынула от лица Жозефины. А Канна, не сводя с нее прямого взгляда, продолжала чеканить слова:

– С какой стати я должна жить, потакая вашим ограничениям моего времени? Почему я обязана делать это для све-крови, которая живет в моем замке на правах гостьи?

– Что... твой замок? Ты назвала меня гостьей?

– Да. Я законная супруга герцога Сильвиена Валентино. Этот замок принадлежит герцогской чете. А вам, матушка, давно пора было съехать в отдельный дом!

Каждое слово Канны било по самому больному месту Жозефины, которая мертвой хваткой держалась за власть в доме Валентино, желая вечно оставаться его единственной хозяйкой.

Но время шло, эпоха сменилась.

Жозефина должна была уступить место новой хозяйке, хотя и не хотела этого делать. Она знала, что за ее спиной шепчутся, но все равно не оставляла замок. К счастью, сын, равнодушный к домашним делам, не обращал на нее внимания.

«Хозяйка в семье Валентино все еще я!»

Чтобы утвердить свою власть, Жозефина заставляла Канну приходить к ней на поклон трижды в день. Этим она наглядно показывала всем, кто здесь главный. До сих пор Кан-

на безропотно подчинялась этой несправедливости, но... Вдруг она стала другим человеком. И сейчас эта пустышка-невестка попала по самому больному!

– Канна Адис...

– Канна Валентино, матушка.

«По крайней мере, пока что», – подумала Канна, хрипло, но твердо продолжая перечить Жозефине.

Это стало последней каплей.

– Чего стоите?! Начинать порку! Немедленно!

Но в этом уже не было нужды. Тело Канны, державшееся лишь на силе воли, не выдержало. Она пошатнулась и рухнула навзничь.

Затылок с громким стуком тяжело ударился о ковер.

«Надо же... я ведь и умереть могла. Хоть бы кто подхватил...»

Перед глазами потемнело. Канна, не в силах больше бороться с лихорадочным жаром, охватывавшим все тело, медленно закрыла глаза.

– Пока она не признает свою вину, не лечить ее и не давать никаких лекарств!

Этот строгий приказ Жозефины стал последним, что Канна слышала перед тем, как окончательно потерять сознание.

«Сумасшедшая».

Даже к вечеру гнев Жозефины не утих.

«Не могла она так измениться, если только не сошла с ума».

Канна Валентино... нет, Канна Адис. Незаконнорожденная дочь, от которой отказалась собственная семья. Черные волосы и черные глаза. Грязная девка, которая вечно прятала лицо за патлами, чтобы скрыть этот недобрый символ.

Ошибкой было то, что Жозефина вообще позволила ей войти в этот дом. Канна не понравилась ей в тот самый момент, когда Сильвиен объявил о женитьбе, но делать было нечего. Никто не мог обратить вспять решение, принятое самим Сильвиеном.

«Все это нужно было лишь для того, чтобы избежать брака со второй принцессой. Все знают, что этот брак – просто фикция!»

И теперь эта паршивка решила поиграть в хозяйку замка?! Она посмела назвать ее, Жозефину, гостьей?

«Нужно прикончить ее».

А ведь Жозефина собиралась оставить ее в живых, сиди она и дальше незаметно, как мышка.

«Не надо было вообще пускать ее в этот дом».

Если бы не Канна, женой Сильвиена стала бы вторая принцесса. Жозефина приложила столько усилий, и принцесса знала об этих усилиях. После свадьбы она наверняка обеспечила бы Жозефине достойное положение.

Если бы они только поженились... Если бы Сильвиен вне-

запно не вытащил эту карту – Канну Адис!

«Все должно было сложиться иначе».

Стань Жозефина родственницей императорской семьи, она бы купалась в почете как свекровь принцессы и блистала в высшем свете до конца своих дней. Сейчас же ее положение было шатким.

Когда-то она правила бал в обществе как герцогиня Валентино, но те времена прошли. Титул графини был пустым фантиком от конфеты: у нее не было ни земель, ни приличного состояния. Пасынок, Сильвиен, в чьих жилах не было ни капли ее крови, не дал ей ничего, кроме титула. Это было наглядным доказательством того, что он нисколько ее не ценил.

И это стало началом ее конца. Сильвиен не дал Жозефине никакой власти. А если герцог не поддерживает женщину из своей семьи, ее влияние тает на глазах.

Ей оставалось лишь увядать, как позабытому цветку высшего света.

«А вот если бы принцесса стала моей невесткой, если бы мы породнились с императором, этого бы не случилось».

И теперь этот сорняк в цветнике смел угрожать ее власти в доме?! Жозефина усмехнулась.

«Пусть сдыхает. Лишняя помеха на моем пути».

Ноги Канны были изранены. К тому же у нее начался жар. Если бросить ее в таком состоянии, она наверняка зачахнет и умрет. Или останется калекой.

Жозефину это вполне устраивало.

Все равно никому не будет дела до смерти Канны. Ни отцу, ни братьям, ни сестрам, ни мужу.

В этот момент раздался стук, и послышался голос служанки:

– Госпожа, герцог Валентино желает вас видеть.

Что?

Жозефина резко вдохнула. Сильвиен ищет ее? В такое время? Что это он вдруг?

Обычно пасынок игнорировал ее существование. При встрече соблюдал приличия – но не более. И крайне редко заходил к ней первым!

Прежде чем Жозефина успела ответить, дверь со скрипом отворилась, заставив ее сжать кулаки и затаить дыхание.

– Сильвиен.

В комнату уверенными шагами вошел высокий мужчина. Когда Жозефина взглянула в его холодные синие глаза, ей показалось, что в комнату ворвалась зимняя стужа.

– Сильвиен... что привело тебя ко мне?

Голос Жозефины невольно дрогнул. Иначе и быть не могло: перед Сильвиеном Валентино мало кто мог сохранить самообладание. Она сглотнула, глядя на его лицо.

Серебристые волосы небрежно спадали на прямой лоб, кожа была белее первого снега. Весь сияющий белизной, он казался безупречно красивым ледяным изваянием. От его дыхания веяло холодом, и даже тень улыбки на его губах бы-

ла настолько холодной, что не ощущалась как проявление дружелюбия.

Но почему он здесь? Неужели из-за Канны?

Сильвиен не ответил. Вместо этого он прошел в глубь комнаты и сел на диван. Скрестив длинные ноги, он непринужденно откинулся на спинку. В этом жесте хозяина, зашедшего в свои владения, было столько естественной власти, что Жозефина молча села напротив.

— До меня дошли странные новости... — раздался его холодный, словно заиндевелый, низкий голос.

Жозефине показалось, что ее прошиб озноб. «Странные новости»... Значит, все-таки из-за Канны. Да что в этой девочке такого!..

Однако следующие его слова были совсем не теми, что вообразила себе Жозефина.

— ...о приеме в честь дня рождения второй принцессы. Мне сказали, будто вы дали твердое обещание, что я буду там присутствовать.

Жозефина с облегчением выдохнула.

Ну конечно! С чего бы ему приходиться из-за этой никчемной паршивки Канны!

— Да. Принцесса Лилиенн была очень настойчива в своих просьбах, и мне пришлось пообещать, что я обязательно приведу тебя с собой.

В этот момент Сильвиен положил сцепленные руки на колени, медленно поднял глаза и в упор посмотрел на мачеху.

– Пообещать?

Голос звучал спокойно, будто Сильвиен просто уточнял значение странного слова. У Жозефины снова перехватило дыхание. Эти синие, слишком синие глаза... Они словно буравили ее насквозь, так что она даже взглянуть в них не могла. Не выдержав, она опустила голову, словно провинилась.

Губы Сильвиена тронула едва заметная улыбка.

– А разве у вас есть на это право?

– Сильвиен, я просто подумала... Принцесса так давно тебя не видела, она тоскует...

– В таком случае, графиня Элестер, составьте ей компанию сами. Это предел вашей власти.

Это был прямой и безапелляционный приказ.

Сильвиен тут же поднялся. Дел у него здесь больше не было, и он быстро покинул комнату. Жозефина только сильнее сжала кулаки: она не могла возразить ни единым словом.

По дороге в кабинет в темном коридоре Сильвиена внезапно остановил дворецкий с лампой в руке.

– Ваша светлость. Мне нужно кое-что вам сообщить.

– В чем дело?

Тон был безукоризненно вежливым, как и во время беседы с Жозефиной. Дворецкий не удивился, ведь герцог Валентино всегда был таким: он соблюдал этикет со всеми,

независимо от статуса.

Вот только почему-то он никогда не казался добрым человеком. Напротив, в его манерах сквозило такое высокомерие, будто он взирал на всех с недостижимой вершины, где воздух слишком разрежен для простых смертных.

– Дело в том, что...

Дворецкий вкратце описал события дня: конфликт между Канной и Жозефиной и то, что сейчас Канна бьется в лихорадке, а ее ноги буквально превратились в месиво.

Сильвиен выслушал его, не поведя бровью.

– И что?

– Как прикажете поступить? Раны глубокие, если оставить все как есть, последствия могут быть серьезными.

Раздумывать над ответом не пришлось.

– Внутренними делами замка занимается графиня Элестер.

Смертный приговор. Оставить все как есть: пусть Канна умирает или остается калекой.

На этом разговор был окончен. Сильвиен прошел мимо дворецкого.

Предсказание Жозефины о том, что никому не будет дела до Канны, сбылось с пугающей точностью. Сильвиену Валентино было плевать, умрет его жена или останется жива.

«Похоже, они и правда решили меня прикончить».

Канна пришла в себя лишь на рассвете. И тут же ее захлестнула тревога. Она поняла, что действительно может умереть – настолько критическим было ее состояние. Постель промокла от холодного пота, тело горело, как в огне. Но хуже всего было другое.

Боль.

Икры жгло так, будто их охватило пламя. С губ Канны сам собой сорвался стон, и она, преодолевая страх, осторожно осмотрела свои раны. Как только она взглянула на них, дыхание у нее перехватило. Хотя чего-то подобного она и ожидала.

«Кошмар».

Если оставить все так, воспаление распространится дальше и начнется нагноение. И это еще полбеды! Без дезинфекции велик риск заражения крови, а в худшем случае – полного повреждения нервов, что сделает ее калекой...

«Я могу даже умереть».

Этот мир – не Земля с ее антибиотиками и вакцинами. Здесь инфекция или запущенное воспаление означают верную смерть.

«И они просто бросили меня? Ни лекарств, ни человека, который мог бы за мной ухаживать?»

Они и вправду решили сжить ее со свету. Или как минимум сделать калекой.

«Какие же они мерзавцы. Впрочем, в этом мире челове-

ческая жизнь никогда и ломаного гроша не стоила».

Канна горько усмехнулась. Что ж, очень жаль, но она собирается обмануть их ожидания. С такой раной она вполне способна справиться сама.

– У-ух... больно-то как, помереть можно.

Голова кружилась, Канна едва не теряла сознание, но все же заставила себя сползти с кровати и поплестись по комнате. Больше всего на свете ей хотелось просто лежать и не двигаться, но...

«Лежа в постели проблему не решишь».

Она долго обыскивала комнату и наконец нашла то, что искала: чистые наволочки, несколько платков и бутылку виски.

«Сначала нужно продезинфицировать раны».

Канна привалилась спиной к стене и взялась за бутылку. Будет адски больно – это точно. Она сделала глубокий вдох, собираясь с духом, и тут...

«Погодите. Это еще что?»

Ее взгляд замер на широком окне. Прямо к стеклу прижимались пышные ветви огромного дерева.

Комната, вид из которой заслоняют заросли, – явно не то помещение, которое подобает занимать жене герцога. Даже расположение комнаты красноречиво говорило о статусе Канны в этом замке, но...

Сейчас важно было не это.

«Это дерево... Неужели то самое?»

Она рывком распахнула окно и окончательно убедилась, что ее догадка верна. Этот аромат, форма листьев...

«Камфорное дерево!»

Драгоценное лекарственное растение, все части которого, от древесины и коры до самых кончиков листьев, идут в ход. В Корее его активно использовали в восточной медицине. Листья камфорного дерева – лучшее средство для первой помощи при ушибах и воспалениях.

И надо же, чтобы оно росло прямо под ее окном!

«Разве камфорные деревья растут на этом континенте?»

Это растение Восточного континента. Как оно могло оказаться здесь, в саду аристократов Запада?

«Ах да, мачеха Сильвиена... Джухва помнит, что Жозефина одержима коллекционированием флоры с Востока».

Канна высунулась из окна.

«Так я и думала».

В ствол дерева были вживлены черные магические кристаллы. Наверняка корни тоже были буквально оплетены ими. Именно эта сила заставляла дерево жить в губительном для него климате: без магических кристаллов оно бы сразу погибло.

Продлевать жизнь растению с помощью магии... Какое извращенное хобби. Да еще говорят, что среди знатных дам это сейчас в моде!

«Что ж, мне это только на руку».

Канна нарвала листьев, снова села на пол и потянулась за

виски. Пора было переходить к дезинфекции. Сглотнув, она наклонила бутылку, и прозрачная жидкость полилась на открытые раны.

Перед глазами полыхнули искры. Сквозь плотно сжатые зубы вырвался приглушенный стон.

Боль была такой, словно плоть прижигали раскаленным железом.

«Терпи. Только не отключайся».

Плеснув виски на ладони, она тщательно растирала ладони, пока те не пустили сок, и осторожно приложила кашицу к ранам. Игнорируя распространяющееся жжение, Канна разорвала наволочку на полосы и туго забинтовала ноги.

Готово.

Она сделала все, что могла, – и только теперь позволила вздоху облегчения вырваться из груди.

«Фух. Повезло. Если продолжать лечение в том же духе, раны затянутся очень быстро».

Откинув голову назад, она закрыла глаза.

Какой же бурный выдался день. Еще вчера она засыпала в Корее в теле Ли Джухвы, планировала утром пойти на работу, а в выходные – на свидание...

«Мама. Папа. Сонхон. Тото...»

И ее чудесный парень.

Волна невыносимой тоски захлестнула сердце. Канне хотелось разрыдаться, хотя бы пару раз всхлипнуть, но она лишь до боли сжала челюсти. Она не будет плакать. Сейчас

не время. Она не может позволить себе быть слабой.

«Джухва, в моменты кризиса слезы ничего не решают. Они только делают тебя уязвимей».

Она терпела и повторяла мамины слова как заклинание. Она не станет плакать. Она со всем справится. Нужно просто как следует обдумать, что делать дальше. А ради этого... «Я обязана выжить».

Прошло десять дней.

Жозефина Элестер пила чай в оранжерее. Стекланный павильон, до отказа забитый растениями с Восточного континента и поддерживаемый магическими кристаллами, был ее главной гордостью.

– Мэри, что там с Канной?

С тех пор как невестку избили до полусмерти, прошло достаточно времени, но известия о том, что из комнаты выносят труп, так и не поступило. Более того, еда, которую втапливали в комнату, как миску с собачьим кормом, исправно исчезала. Значит, Канна еще жива.

– Кажется, она все еще не умерла, госпожа... Но с такими ранами и без лечения, думаю, это случится не сегодня, так

завтра.

– Понятно. Ты уверена, что ей никто не прислуживает?

– Да, госпожа. Я лично передала ваш приказ всем слугам в доме.

– Хорошо. Ступай.

Мэри поклонилась Жозефине и вышла из оранжереи.

«Тупая девка. Зачем было нарываться и злить меня?» – злорадствовала она. В памяти все еще свежа была боль от розги, которой ее отходила Канна. Возможно, потому ее ярость никак не утихала.

«Сдохла бы она поскорее, вот тогда я успокоюсь».

Как она посмела ударить ее – любимую служанку самой госпожи!

– К-камеристка!

К ней подбежала одна из горничных, запыхавшаяся и растрепанная. От этого вида, в котором не было ни капли достоинства, Мэри недовольно поморщилась.

– Кто разрешил тебе так носиться? А если госпожа увидит?..

– Юная леди Канна! – Горничная тяжело дышала и потому говорила отрывисто.

От этого имени глаза Мэри округлились.

– Что, эта дрянь наконец испустила дух? Да?!

Но горничная была бледнее полотна и лишь судорожно хватала ртом воздух.

– Да что с тобой? Говори!

Мэри заметила, что взгляд девушки направлен куда-то ей за плечо. По загривку пробежал неприятный холодок.

А затем раздался голос:

– Прости, если разочаровала, но...

Сердце Мэри гроыхнуло у нее в ушах и ушло в пятки. Этот голос...

– ...я жива.

Шаги за спиной становились все ближе.

– Кажется, ты очень хотела моей смерти, Мэри?

Пальцы камеристки задрожали. Канна, которая медленно подходила все ближе, выглядела совершенно здоровой. Более того, цвет ее лица, где оно не было скрыто челкой, казалось, был лучше прежнего!

– Эй, ты, – Канна посмотрела на горничную за спиной Мэри. – Принеси-ка розги.

Вскоре замок буквально перевернулся вверх дном.

– Мэри! Как с ней такое случилось?!

Мэри Голдиан, камеристка и правая рука Жозефины, лежала без сознания. И неудивительно: ее икры были превращены в кровавое месиво – точь-в-точь как ноги Канны десять дней назад.

– Мэри! Очнись! Посмотри на меня! – Жозефина была

вне себя от ярости. – Кто это сделал?!

– Это... – Горничные замялись, не зная, как ответить. – Это юная леди Канна ее наказала.

«Что?!»

Лицо Жозефины застыло. Она не верила своим ушам.

– Быть не может! Как у нее могли остаться силы на такое?!

– Но это правда, госпожа! Она пришла сама, на своих ногах, и даже очень быстро спускалась по лестнице! Я видела это собственными глазами!

От этих слов Жозефина похолодела. Неужели кто-то тайно лечил Канну?

– Живо приведите ко мне аптекаря и лекаря!

Она допросила обоих, но те клялись, что не подходили к комнате Канны. Более того – все запасы лекарств лежали в хранилище, как раньше. Иными словами, ни одно лекарство не тронули!

«Невозможно. Я должна увидеть это сама!»

Жозефина взлетела по лестнице и распахнула дверь в комнату Канны. И в тот же миг...

– Матушка.

При виде невестки у Жозефины перед глазами опустилась белая пелена.

– Что привело вас ко мне?

Канна сидела на подоконнике и задумчиво перебирала ветви дерева, проникшие в ее комнату. Жозефина подскочила ближе и резко задрала ее юбку.

Это было невозможно. Опухлость с икр почти спала! Это было просто немыслимо!

– Ты... ты украла лекарства из хранилища?!

– Вовсе нет.

Канна разгладила складки на юбке и лучезарно улыбнулась.

– Не верите – сходите и проверьте.

«Зато ночью я пробралась в вашу оранжерею и украла оттуда кое-какие травы, матушка», – добавила она про себя, продолжая улыбаться.

– Надеюсь, вы не испытываете недовольства от того, что я выздоровела?

В этот миг Жозефина лишилась дара речи. Конечно, она испытывала недовольство! Она хотела, чтобы Канна сдохла – или хотя бы осталась хромой до конца дней. Но признать это вслух она не могла.

– Что за чушь ты мелешь?!

– Да? А мне показалось, вы злитесь из-за того, что я цела и невредима.

– Не болтай чепухи! – Жозефина, понимая, что ее реакция была весьма красноречивой, поспешила сменить тему: – Если ты поправилась, почему не доложила немедленно? Что ты вообще натворила? Мэри – моя камеристка! Как ты посмела пороть ее без моего разрешения?

– Она в открытую желала мне смерти.

– Что?..

– Она радостно кричала: «Что, эта дрянь наконец испустила дух? Да?!» И даже в ладоши хлопала.

Жозефина выругалась про себя.

«Тупица Мэри! Какого рожна было орать об этом так, чтобы Канна слышала?!»

Никто не обращал на Канну внимания. Если бы она просто тихо загнула от болезни, все просто закончилось бы, и никто даже бровью бы не повел. Но когда невестка может во всеуслышание заявить, что ей открыто желают смерти, – это уже проблема. Большая проблема.

– Раз она в самом деле говорила такое, у меня было полное право ее наказать, не так ли?

– Это было чрезмерное наказание! Мэри преданно служила этому дому десятки лет!

Канна сделала вид, что вот-вот расплачется.

– Я не могу жить в одном доме с такой прислугой. Или вы выгоните ее, или я сама уйду.

Конечно, для Жозефины это прозвучало как нелепая угроза обнаглевшей невестки. Куда Канна пойдет? Ее все презирают, никто в здравом уме ее не примет!

– Да делай что хочешь! Раз собралась уйти – так и вымечтайся скорей!

«Есть! Попалась!»

Канна изо всех сил сдерживала победную ухмылку. Именно этих слов она и добивалась. Она специально провоцировала Жозефину, чтобы та сама выставила ее за дверь.

Чтобы ее выгнали из семьи Валентино.

– Хорошо. Я уеду завтра же на рассвете.

Жозефина уже не слушала. Она лишь гневно фыркнула и стремительно вышла из комнаты. Канна смотрела ей в спину, расплываясь в широкой улыбке.

«Спасибо, матушка. Надеюсь на ваше дальнейшее сотрудничество в деле моего развода».

Куй железо, пока горячо.

Канна планировала официально получить статус «изгнанной», чтобы после этого потребовать развода. Но для этого нужно было поговорить с Сильвиеном Валентино.

«Он будет только рад. Учитывая все, что натворила Джухва».

Перед дверью его комнаты Канна сделала глубокий вдох и постучала.

– Ваша светлость, это Канна. Можно войти?

В ответ – тишина. Канна прищурилась и уставилась на дверь. Неужели игнорирует?

Но стоило так подумать, как...

– Входите, госпожа Канна, – раздался холодный низкий голос.

Канна невольно выпрямила спину: этот тон любого за-

ставлял напрягаться против воли.

«Хм. “Госпожа” Канна?»

Она и раньше знала, что он не считает ее женой, но подчеркнутая дистанция в обращении была красноречивей любых слов.

Канна решительно распахнула дверь и вошла внутрь, но замерла, не сделав и трех шагов.

– Что привело вас ко мне в такой поздний час?

Серебристые волосы, словно сияющие лунным светом. Таинственные темно-синие глаза. Сильвиен смотрел на Канну, расслабленно сидя на кровати. Кажется, он только что вышел из душа: с кончиков волос срывались редкие капли воды.

«Как снежная дева».

Глядя на него, Канна невольно вспомнила корейскую легенду о снежной деве – демоне, что завлекает людей своей неземной красотой в снежную бурю, где они замерзают на смерть, очарованные, так и не приходя в сознание...

– Мне нужно кое-что сказать, – произнесла Канна, выровняв дыхание.

Ли Джухва, возможно, и теряла рассудок от невероятной красоты Сильвиена, но она – нет.

– Не знаю, слышали вы или нет... Хотя уверена, что слышали.

Как только она начала говорить, к ней вернулось полное хладнокровие. Бояться нечего. Этот человек только внешне

напоминает красивую ледяную глыбу, на деле же он – мусор, которому плевать, если его жену забьют до смерти.

– Ваша мать пыталась меня убить.

От этих слов уголок губ Сильвиена слегка приподнялся.

– Графиня Элестер не настолько сильна, чтобы забить человека до смерти розгами.

Канна смирила его гневным взглядом. Значит, он все знал. Знал, но отвечает с такой неприкрытой наглостью!

– А вы знали, что мне запретили давать лекарства, хотя я была вся изранена?

– По какой причине я обязан об этом знать?

– Я – ваша жена. Я чуть не умерла от руки свекрови, а вы сделали вид, что ничего не происходит. Вы считаете, это правильно с точки зрения морали?

– И что с того? – В глазах Сильвиена промелькнула глубокая скука. – Вы ведь живы и стоите передо мной. В чем проблема?

Мягкий разрез глаз, полуулыбка, вкрадчивый голос. Со стороны могло показаться, что он готов собственное сердце вырвать из груди, но температура вокруг него, казалось, падала с каждой секундой.

Он был чудовищно холоден. Канна была уверена: начини она сейчас харкать кровью и умирать, он и глазом не моргнет.

«И за что Джухва полюбила эту ледышку?»

Если бы ее корейская мама, мама Джухвы, узнала об этом,

она бы очень расстроилась. От одной этой мысли Канна вспыхнула негодованием.

– Зачем вы вообще на мне женились?

Она должна это выяснить. Такое нельзя просто спускать на тормозах. Раз Ли Джухва была слишком робкой, чтобы пикнуть, Канна выскажет все за двоих!

– Пусть наш брак и контрактный, но это все же брак. Вы согласились взять меня в жены. Значит, я имею право хотя бы на минимальное уважение! Вы...

«Вы – кусок дерьма!» – эти слова так и вертелись на кончике языка, и Канне с трудом удалось сдержать их. Впрочем, ее глаза и выражение лица сказали все за нее.

Сильвиен пристально смотрел на нее. В его обычно пустых синих глазах вспыхнул странный огонек. Словно он впервые увидел какой-то весьма любопытный феномен.

– Вы сами говорили, что не ждете от меня обращения, подобающего супругам, – медленно проговорил он.

Канна не нашлась с ответом, и он кивнул:

– Ваши слова, госпожа Канна. Или вы забыли?

Так все и было. Канна сжала кулаки.

Да, перед свадьбой Сильвиен прямо сказал, что он не будет исполнять обязанности мужа и не станет считать Канну своей супругой. А Джухва ответила, что согласна на все, лишь бы свадьба состоялась. По-видимому, наивная дурочка верила, что после брака все изменится, что, раз они супруги, между ними вспыхнет хоть какая-то привязанность...

«Какая там привязанность».

Семь лет брака. И за все это время они не коснулись друг друга и пальцем.

– Да, тогда я была согласна. Но не теперь. Я больше не могу так жить. – Она твердо встретила его взгляд. – Возможно, вы еще не в курсе, но ваша мать выгнала меня.

– И что?

– Я ухожу. Возвращаюсь в отчий дом.

Только теперь наконец последовала реакция. Сильвиен медленно окинул сомневающимся взглядом лицо Канны – явно пытался оценить, правильно ли расслышал.

Канна ощутила слабое удовлетворение. Да, прежняя она – точнее, Джухва – никогда бы так не поступила. Она была готова умереть рядом с ним.

Но Канна Джухвой не была.

– Вы сказали, что уходите? – проговорил Сильвиен, словно пробуя это слово на вкус.

Уходите, уходите...

Уходите.

Вы? Оттуда, где я?

В следующий миг он слегка прищурился. В его взгляде на мгновение вспыхнул интерес, почти граничащий с азартом. Но это длилось лишь секунду, а затем он вновь стал сухим и безразличным.

Поправив влажные волосы, Сильвиен тихо ответил:

– Воля ваша.

– И я потребую развода, как только получу разрешение отца.

– Что ж, буду ждать.

«Сволоочь», – Канне до боли захотелось его ударить.

Сильвиен явно не воспринимал этот разговор всерьез. Слова Канны влетали ему в одно ухо, чтобы уже через мгновение вылететь в другое.

«Ну, конечно, после всего, что я вытворяла, он мне не верит».

Еще недавно она валялась у него в ногах, рыдая и умолая. Он явно считает, что она не сможет уйти, что это очередная попытка привлечь внимание, своего рода каприз.

Канна подавила вздох. Бесполезно объяснять, он все равно не поймет.

– Тогда я пойду.

– Да. Ступайте.

«Мерзкий тип. Думаешь, я просто капризничаю? Нет, я правда с тобой разведусь! Обязательно!»

На следующее утро Канна без промедлений покинула замок. И только тогда на нее навалились новые тревоги.

Первый шаг к разводу – добиться изгнания от свекрови – был сделан. Теперь предстояло вернуться к отцу и получить

его согласие.

«Примет ли меня семья Адис?»

Да что там примет – откроют ли они хотя бы ворота?

Запоздалая, но вполне реальная тревога начала медленно подтачивать уверенность Канны. Дать повод для того, чтобы ее выгнали, было легко, ведь ее и так все ненавидели.

Все. В этом мире ее ненавидели абсолютно все.

«Добиться, чтобы меня выгнали, легко... Но вот убедить кого-то принять меня – сложно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.